

Законы, законность и конституция как идеологические основы политики Негласного комитета

Аннотация. В статье рассматривается идеологическая составляющая деятельности Негласного комитета – кружка «молодых друзей» Александра I, в рамках которого разрабатывались основные внутривнутриполитические преобразования начала XIX в. Вынесенные в заглавие статьи понятия законов, законности и конституции являлись основополагающими при обсуждении и подготовке ряда реформ. Определение значений данных понятий в понимании членов комитета и императора в применении к преобразовательной политике начала царствования Александра I является основной целью данной статьи. В качестве основного источника были привлечены материалы архива П.А. Строганова, так называемые "протоколы" Негласного комитета. В начале царствования Александр I и его окружение ставили себе отдаленным конечным результатом деятельности учреждение конституции – неизменного закона (или кодекса законов), который позволил бы упорядочить и описать систему администрации, обосновать и упрочить власть императора, завершить процесс законодательного закрепления прав сословий. Однако наряду с утверждением власти императора присутствует и мысль о силе закона, которая могла бы сдерживать деспотизм и произвол монарха, если это потребуется.

Ключевые слова: закон, законность, конституция, сословная политика, реформы, правительственный конституционализм, общественный договор, Александр I, Негласный комитет, Ф.-Ц. Лагарп.

Annotation. The article examines the ideological basis of the Private committee's activity – the circle of "young friends" of Alexander I that developed the main internal political changes at the beginning of the 19th century. The concepts of law, legality and constitution stated in the article's title were fundamental notions in the discussion and elaboration of a series of reforms. The principal aim of this article is to elucidate the understanding of these concepts by committee members and the emperor at the beginning of his reign. The main source for this study is the material from the archive of P. A. Stroganov, the so-called protocols of the Private committee. At the beginning of his reign, Alexander I and his entourage aimed to establish a constitution as the final outcome of their work – an unchangeable law (or codex of laws), which would allow to systematise and define the administrative system, to validate and strengthen the emperor's authority, to finalise the process of the classes' rights legalisation. However, apart from asserting the emperor's authority, there existed the idea of the power of law, which would restrain despotism and abuse of the monarch, should it become necessary.

Key words: government constitutionalism, reforms, class policy, constitution, legality, law, social contract, Alexander I, Private committee, F.-C. Laharpe.

Вопрос о необходимости усовершенствования законодательной базы стоял перед Российским государством на протяжении всего XVIII в., однако в различные периоды идейная и политическая обстановка оказывала влияние на предпринимавшиеся попытки составления кодекса законов или уложения. В эпоху Петра Великого в рамках тенденции вестернизации было решено осуществить синтез западного, преимущественно шведского и датского, законодательства с отечественным, однако предложенный проект не устроил императора из-за правовых притязаний

дворянства. В эпоху дворцовых переворотов от идеи заимствований отказались, поскольку перед правительством стояла задача приспособления созданных Петром учреждений к российским реалиям. Работа Уложенных комиссий велась при Анне Иоанновне и Елизавете Петровне, однако их деятельность вновь не принесла плодов [6].

В 1764 г., незадолго до нового собрания Уложенной комиссии, Екатерина II писала в инструкции генерал-прокурору А. А. Вяземскому: «Законы наши требуют поправления: первое, чтоб все ввести в одну систему, которой и дер-

жаться; другое, чтобы отрешить тех, которые оной прекословят; третье, чтоб разделить временные и на персон данные от вечных и непрременных, о чем уже было помышлено, но короткость времени меня к произведению сего в действо еще не допустила» [4, 366]. Подготовка к созыву Уложенной комиссии императрица также провела основательную, сочинив знаменитый «Наказ» Уложенной комиссии, поставивший целью создание «справедливого» законодательства ради достижения «общего блага» [4, 366]. Уложенная комиссия Екатерины II была гораздо многочисленнее своих предшественниц, и самим депутатам предстояло участвовать в разработке уложения [7, 231]. Деятельность комиссии обнажила непримиримые противоречия между сословиями, столкновение интересов и противоположные требования различных групп населения. Раздираемая противоречиями комиссия оказалась неспособна к законотворчеству, эта задача легла на плечи верховной власти в лице самой Екатерины II [8, 73]. Позднее императрица предпринимала попытки сочинить общий свод законов империи – «план всеобщего законоположения» 1774–1775 гг. [9, 339], а также составила обширный проект преобразования Сената. «Наказ Сенату» под предлогом нового учреждения Сената как «хранилища законов» должен был установить правооснования власти монарха, принципы деятельности государственных учреждений и судебной системы. В этом законе Екатерина II планировала совместить «всеохватывающую кодификацию права <...> с «фундаментальным» закреплением общих правовых начал государства с указанием незыблемых принципов правоприменения и соответствующих законных гарантий» [9, 345]. В «Наказе Сенату» прописывались прерогативы самодержавной власти и наиболее подробно – порядок престолонаследия [9, 347]. Таким образом, Екатерина выделила два основных направления законотворческой деятельности: во-первых, масштабную кодификацию и систематизацию права, во-вторых, законодательное закрепление основ государственного устройства.

Павел I в 1796 г. повелел генерал-прокурору собрать все существующие законы и составить из них три книги, а Уложенная комиссия была переименована в Комиссию по составлению законов [4, 506]. По мнению А. Б. Каменского, Павел тем самым отказался от идеи составления нового уложения и заложил вектор кодификации существующего права, которая впо-

следствии будет осуществлена под руководством М. М. Сперанского в царствование Николая I [4, 506]. Однако в принятии Акта о престолонаследии и Учреждения об Императорской фамилии можно видеть продолжение и развитие законодательной политики Екатерины II. Как писал известный дореволюционный исследователь павловского царствования М. В. Ключков: «Император Павел хотя и любил отменять нововведения своей предшественницы, однако в некоторых частях доводил ее мысль до последних пределов» [5, 143].

С приходом к власти Александра I и признанием им законности в качестве одной из основ политики в 1801 г. было положено начало деятельности новой комиссии. Александр планировал проведение систематической ревизии и усовершенствования законодательства, невысоко оценивая заслуги предшественников на этом поприще: «Я всегда знал, что с самого издания уложения до дней наших, то есть в течение почти одного века с половиной, законы, истекая от законодательной власти различными и часто противоположными путями и быв издаваемы более по случаям, нежели по общим государственным соображениям, не могли иметь ни связи между собой, ни единства в их намерениях, ни постоянности в их действии. Отсюда всеобщее смещение прав и обязанностей каждого, мрак, облегающий равно судью и подсудимого, бессилие законов в их исполнении и удобность переменить их по первому движению прихоти или самовластия» [16, 22]. Существование Комиссии о составлении законов в первые годы царствования Александра I не принесло плодов, тем не менее вопросы законодательства стали одной из важнейших тем на заседаниях Негласного комитета, причем кодификация существующего права занимала участников гораздо меньше, нежели необходимость составления новых законов.

С начала царствования Александр I демонстрирует приверженность идее законности, что неудивительно: еще его наставник Ф.-Ц. Лагарп на своих уроках рассказывал о многочисленных преимуществах государств, в которых власть монарха подкреплена твердыми законами [14, 16]. Примат закона декларируется официально: на медали, выпущенной в память о коронации, изображен столб «закон» с легендой «Залог блаженства всех и каждого» [11, 67]. В рескрипте на имя П. В. Завадовского, поручавшем ему управление Комиссией о составлении законов, провозглашается значимость закона и законности:

«Поставляя в едином законе начало и источник народного блаженства и быв удостоверен в той истине, что все другие меры могут сделать в государстве счастливые времена, но один закон может утвердить их навеки, в самых первых днях царствования моего и при первом обозрении государственного управления признал я необходимым удостовериться в настоящем части сей положении» [16, 22]. В личной переписке император также подчеркивает свое уважение к букве закона. Так, в письме к княгине М. Г. Голицыной от 7 августа 1801 г. Александр I пишет: «Как скоро я себе дозволю нарушить законы, кто тогда почтет за обязанность соблюдать их? Быть выше их, если бы я мог, но конечно бы не захотел, ибо я не признаю на земле справедливой власти, которая бы не от закона истекала; напротив, я чувствую себя обязанным первее всех наблюдать за исполнением его, и даже в тех случаях, где другие могут быть снисходительны, а я могу только правосудным» [16, 22]. Приверженность Александра I к идее законности может быть объяснена прежде всего сложившимися обстоятельствами государственного переворота, ставшего результатом заговора против самодержавного, деспотического правительства. Кроме того, идея законности в монархическом государстве в XVIII – начале XIX вв. оказывается неразрывно связанной с просветительской концепцией «законной монархии» и сопряженного с ней понятия «фундаментального закона».

В статье «Основной закон» (*Loi fondamentale*) «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера, написанной Л. Де Жокуром, содержится следующее определение этого понятия: «Основные законы государства, взятые во всем их объеме, – это не только постановления, по которым вся нация определяет, какой должна быть форма правления и как наследуется корона; это еще и договоры между народом и тем или теми, кому он передает верховную власть, каковые договоры устанавливают надлежащий способ правления и предписывают границы верховной власти» [3, 88]. В конституционной монархии нация сохраняет за собой законодательную власть и назначение своих магистратов, доверяет сенату или парламенту судебную власть и право устанавливать налоги, а монарху вручает исполнительную и военную власть. В абсолютных монархиях, по мнению Жокура, такое распределение полномочий невозможно, но здесь действует «закон права и необходимости, то есть закон общественного блага, от которого государь не может уклонить-

ся, не пренебрегая в большей или меньшей степени своим долгом» [5, 88].

Понятие основных законов было известно и использовалось при написании проектов по государственному устройству Екатериной II [9]. Следует отметить, что императрица и ее последователи, включая Александра I и членов Негласного комитета, обозначали основные законы несколькими синонимичными терминами – «фундаментальные», «непреложные», «ненарушимые», «непременные», «конституционные», «государственные», однако для удобства изложения все эти дефиниции (исключая цитаты) представляется целесообразным заменять термином «основные законы».

В «Наказе» Уложенной комиссии императрица вводит трехчастное деление законодательных актов: законы, учреждения временные и указы. При этом Екатерина II определяет законы как «установления, которые ни в какое время не могут перемениться, и таковых числу быть не можно великому» [1, 72–156]. В одном из набросков к «Наказу» Екатерина II следующим образом определила основные законы: «Законы фундаментальные: 1) сохранение государства в его величии и пространстве; 2) сохранение формы правления, установленной согласно этому величию государства. Что же есть после сего наиважнейшее для граждан? Их жизнь, их преимущество и их состояние» [9, 338]. В том же ключе, но несколько более подробно понятие основных законов императрица раскрывает в разработанном в 1774–1775 гг. плане «всеобщего законоположения», изученном и частично опубликованном О. А. Омельченко [10, 134–139]. Екатерина II, развивая высказанные в «Наказе» положения, принимает аналогичное трехчастное деление законодательства, где основные – «непременные» – законы призваны регулировать фундаментальные принципы общежития и отношения граждан с государственной властью. Они должны были зафиксировать следствия «естественных» законов, под которыми Екатерина II понимала неизменность положения государства, сохранение самодержавного правления как следствия обширности империи, а также наличие различных «состояний жителей», то есть сословного строя. Кроме того, в число непреходящих установлений включалась православная вера. Наибольшее внимание императрица уделила основным законам, охраняющим «внутреннюю безопасность», к которым отнесла общие постановления (обязательность

присяги и верности императорскому величеству всех граждан, строго подзаконное определение посягательств на права и на честь монарха, необходимость оказания почтения императору), законам по охране частной безопасности – как личной (свобода въезда и выезда из страны, гарантии преимуществ дворян и др.), так и имущественной, законам о системе и порядке правосудия [9, 338–340].

Александр I и члены Негласного комитета для обозначения основных законов оперировали синонимичным понятием «непреложных» законов, при этом они относили к их числу реально существующие законодательные акты. Так, в сохранившемся в архиве П. А. Строганова «Наказе Совету» «непреложные» законы определяются как «те, коих предметы суть постоянные и непременные, которые объемлют все времена и узаконяются навеки <...> составляют главное, непеременимое и неизблемое основание всех законов империи» [8, 248]. Такими постановлениями признаются: «грамота дворянству, городское положение, особенные привилегии, городам и местам навсегда даруемые, общегражданские законы и тому подобные установления» [8, 248]. Итак, в риторике членов Негласного комитета и императора основной закон обозначен термином «непреложный», соответствующим термином «фундаментальный» или «непременный» закон, которые знала и использовала Екатерина II. Однако наравне с термином «непреложный закон» в протоколах заседаний Негласного комитета и записках П. А. Строганова также употребляются термины «конституционный акт» и «конституция». Возникновение (и часто превалирование) в риторике членов Негласного комитета этих терминов представляется возможным связать с их популяризацией после Великой французской революции. Однако следует отметить, что до появления французской, американской и польской конституций в европейском общественно-политическом дискурсе, в который в XVIII в. была вовлечена и Россия, понятие «конституция» как основной закон государства означало способ создания, организации, устройства чего-либо. В представление о конституции включались принципы, постоянно действующие законы и институты, составлявшие основу упорядоченного управления [18]. Наличие этого второго значения термина «конституция» до некоторой степени объясняет воззрения членов Негласного комитета по соответствующей проблеме.

Представления членов Негласного комитета об основах устройства государства и конституции наиболее подробно можно восстановить на основе записок, сохранившихся в архиве П. А. Строганова. Павел Строганов изложил свои взгляды по вопросам основ российского государственного устройства в записке «О состоянии нашей конституции» [8, 40]. Строганов дает конституции следующее определение: «<...> конституция – это легальное признание прав народа и форм, в которых он может их осуществлять» [8, 40]. По мнению Строганова, конституцию можно разделить на три части: «Формулировка прав, способ их реализации и гарантия» [8, 40]. Он также полагал, что формулировка прав и способ их реализации в некотором роде имеются в политической системе России начала XIX в. Таким образом, по мнению Строганова, конституция не обязательно должна быть представлена одним законом и принята единовременно. В самодержавной России, полагал Строганов, уже присутствуют некоторые элементы конституции, которые предстоит довершить принятием недостающих составляющих.

Конституционными актами Российской империи Строганов считал Жалованные грамоты дворянству и городам, вновь подтвержденные Александром I, а также институт Сената, поскольку он, по мнению Строганова, включал в себя основную часть администрации империи. Жалованные грамоты были подтверждены императором и назывались в записках П. А. Строганова конституционными актами, несмотря на то что Александр позволял себе открыто критиковать дворянские привилегии: «<...> он [Александр] вновь ввел в силу грамоту дворянству против своей воли из-за его [дворянства] особых прав, которые всегда вызывают у него отвращение» [8, 73]. Грамоты закрепили права сословий, а значит, и в конституции под «формулировкой права народа» императором и участниками Негласного комитета понимаются права сословий. Таким образом, в представлении членов Негласного комитета значение термина «конституция» отчасти оказывается сходным с тем, что Екатерина II вкладывала в понятие основного («фундаментального», «непременного») закона, то есть с законодательным закреплением сословных прав и привилегий.

Чтобы обеспечить беспрепятственную реализацию закрепленных в конституции сословных прав, полагал Строганов, «должна существовать гарантия, что посторонняя власть не

сможет помешать реализации этих прав. Если этой гарантии не существует, цель применения этих прав заключается в том, чтобы ни одна мера правительства не была предпринята вопреки подлинному национальному интересу, и если эта цель не достигается, то можно говорить, что конституции не существует» [8, 73]. Строганов вводит понятия «права народа» (понимая под ними сословные права) и «посторонняя власть», которая может осуществлению прав народа воспрепятствовать. Поскольку сословные права, содержащиеся в Жалованных грамотах, были нарушены в царствование Павла I, то под термином «посторонняя власть» имеется в виду правление самовластное, деспотическое, каким павловское время виделось современникам. Таким образом, по мнению Строганова, основной задачей российской конституции станет закрепление прав сословий и защита этих прав от возможного монаршего произвола при единственном условии, что все это не противоречит национальным интересам. Он называет конституцию «базой всех отношений» [8, 41]. Важно также отметить, что отсутствие гарантии от монаршего произвола в представлении Строганова не противоречит факту наличия в государстве конституции, если действия монарха не противоречат национальным интересам. Здесь Строганов признает существование описанного в «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера «закона права и необходимости», то есть закона общественного блага. В этом контексте понятие «конституция» у Строганова приобретает значение справедливого и легитимного правления – вне зависимости от наличия преграды деспотизму верховной власти и соответствующих законов.

В записке «Анализ системы, которой нужно следовать в реформировании управления империей», представленной императору в мае 1801 г., Строганов писал: «Счастье людей, чтобы быть прочно установившимся, должно быть основано на принципах внутреннего благополучия, которое, в свою очередь, зависит от правильных основ управления, а не от пустой славы, которая рождается от большого влияния в мире» [8, 15]. Таким образом, Строганов обосновывает намерения императора провести внутренние преобразования. Далее он раскрывает и сам термин «принципы национального благополучия». Под ним понимались «умеренная свобода и неприкосновенность частной собственности, плоды исправленной и налаженной администрации» [8, 25]. Устройство государства, согласно этим

принципам, призвано подготовить умы «к получению без опасности и с удовольствием закона, который гарантирует от самовольного изменения основ общего счастья» [8, 25]. Заимствуя из теории просветителей положение об общественном благе, Строганов использует его для обоснования проведения реформ и наполняет тем содержанием, которое реформаторы и император считали «благом». Конституция, или основной закон, выступает в качестве завершающего аккорда преобразований.

Важнейшим следствием принятия конституции в представлении Строганова являлась легитимизация власти. 22 января 1802 г., после присоединения Грузии, Строганов пишет, что «император дал этой новой объединенной провинции собственную конституцию, которая наделяла большой властью наместника и не нравилась знати этой территории» [8, 171]. В масштабах провинции Грузии конституция узаконивает власть наместника, а в масштабах всей империи – власть самодержца.

Строганов подчеркивает важность наличия помимо конституции административных постановлений, которые помогают обеспечить счастье и благополучие людей: «Счастье людей заключается в гарантии собственности и свободы совершать все, что не может принести вред другим. Способом обеспечить это пользование являются административные постановления» [8, 41]. Однако административные постановления не должны противоречить конституции, определяющей «взгляды при выработке административных законов, которые непременно <...> должны быть изменены установленным образом, препятствующим любому произволу и, как следствие, уменьшающим вред, который может причинить различие способностей глав государства» [8, 41]. Таким образом, административные постановления в понимании Строганова соответствуют тому, что под термином «временные учреждения» понимала Екатерина II: постановления, определяющие на тот или иной период организацию и систему органов государственно-го управления [9, 340].

В записках Строганова есть достаточное количество примеров, которые иллюстрируют не только декларативное, но и фактическое признание императором силы закона. Решая имущественный спор в тяжёлом деле гофмейстерины А. Н. Нарышкиной, Александр вынужден выбирать между двумя решениями своих предшественников – Екатерины II и Павла I – и пред-

почтение отдает распоряжению Павла, поскольку оно согласовано с законом: «Это распоряжение, восстанавливающее исполнение закона в его полноте, должно было заставить замолчать все протесты и ясно демонстрировало желание императора никогда не уклоняться от установленных правил» [8, 88]. Действие законов признается повсеместным и неизбежным: «<...> поскольку он (недобросовестный должник. – Ю. А.) не покинет империю, законы найдут его повсюду, и он не сможет их избежать; следовательно, это бесполезное затруднение» [8, 77]. В разговоре о наделении Сената новыми правами участники комитета особо отмечали, что Сенату также вменяется в обязанность «следить самому за сохранностью своих прав и требовать от судов, которые были ему подчинены, повиновения в соответствии с законами» [8, 161].

Вопрос о времени предполагаемого введения конституции в записках Строганова открыто не поднимается, но имеющиеся материалы позволяют сделать предположение и в этом отношении. Описывая беседу с Александром от 9 мая 1801 г., Строганов сообщает, что Александр считает возможным введение конституции только после того, как кодекс законов будет отредактирован так, чтобы он был прост и понятен всем, чтобы каждый хорошо знал свои права, и тем самым все привилегии были уничтожены, тогда конституция может быть приведена в действие [8, 31]. Очевидно, здесь подразумевается не уничтожение сословных привилегий, а способность каждого подданного понять собственные сословные права. В реалиях России начала XIX в. введение какого-либо всеобщего закона, призванного упорядочить не только законодательство, администрацию, но и отношения между сословиями, не возмело бы желаемого действия из-за неграмотности и неподготовленности к этому крестьянского большинства населения. Строганов передает мнение Александра о мерах, предваряющих введение конституции, следующим образом: «<...> чтобы умеренная свобода и неприкосновенность частной собственности, плоды исправленной и налаженной администрации согласно истинным принципам национального благополучия готовили при помощи своего спасительного влияния умы к получению без опасности и с удовольствием закона, который гарантирует от самовольного изменения основ общего счастья» [8, 25]. Говоря о необходимости этого подготовительного этапа, Александр имел в виду также и значительный временной отрезок

от начала царствования до возможного введения конституции. О том, сколько лет Александр отводил себе на осуществление реформ, позволяет, хотя и весьма приблизительно, судить его ответ на предложение членов комитета представить императора к награде: «Когда после двадцати лет работы я увижу, что довел свою страну до такой степени благополучия, как хотел, что образ мысли станет более развитым, тогда, если меня наградят чем-то подобным [орденом Святого Георгия или Святого Владимира], я приму это с благодарностью, но до этого времени я не могу этого принять» [8, 129].

В письмах Ф.-Ц. Лагарпа к Александру I также присутствует понятие конституции, однако смысл его существенно отличается от того, что вкладывал в этот термин П. А. Строганов. Рассуждая о российском политическом устройстве, Лагарп утверждает: «<...> конституция Вашей страны и интересы Вашего народа только Вам вверили право решать в последней инстанции, более того, они от Вас этого требуют» [1, 244]. Полностью поддерживая сохранение Александром статуса и привилегий абсолютного монарха, Лагарп пишет: «Во имя Вашего народа, Господин, сохраните всю ту власть, которой Вы облечены и которую собираетесь использовать только во благо народа. Не позволяйте отращиванию, которое Вам вселяет абсолютная власть, захватить себя. Имейте смелость сохранить ее всю и безраздельно, поскольку конституция Вашей страны вверяет ее Вам легитимно, до тех пор пока под Вашей эгидой не будут проведены труды, необходимые, чтобы определить границы власти. Тогда Вы сможете сохранить лишь ту власть, которая необходима для активного управления» [17, 249–250]. Таким образом, Лагарп признает существование в России конституции, тем самым обращаясь к теории общественного договора – одной из основополагающих политических концепций Просвещения. В конце XVII – XVIII веках в Европе в результате деятельности просветителей подлинным носителем суверенитета в любом государстве был признан народ, который заключает с правителем «общественный договор» (*contrat social*) [15, 70]. Доктрины общественного договора у различных философов разнятся, но общим для всех них является то, что они признают договорное, а не божественное происхождение политической власти. В своих трактовках теории общественного договора Дж. Локк и Ж.-Ж. Руссо придерживаются либеральных

взглядов, опираясь на примеры французской и американской революций, Т. Гоббс, напротив, оправдывает существование абсолютизма. По Гоббсу, в абсолютистском государстве граждане ради собственной безопасности отказываются в пользу монарха от своих прав, свобод и суверенитета, и суверен остается единственным обладателем прав, от природы принадлежавших каждому человеку. Договор, заключенный между сувереном и его подданными, расторгнуть невозможно, и не существует ни одной легитимной причины вернуться в естественное состояние. Даже если монарх злоупотребляет властью, общественное состояние представляется Гоббсу предпочтительным по отношению к естественному. Итак, модель Гоббса не приемлет никаких форм сопротивления суверену, не ограничивает его ни его собственными законами, ни условиями общественного договора. Следует также отметить, что Гоббс не признает разделения властей, которое, по его мнению, ведет к безначалию. Опираясь на понятия теории общественного договора, Лагарп со своей приверженностью абсолютистской власти оказывается ближе всего именно к концепции общественного договора Гоббса.

Лагарп призывает Александра хранить верность усвоенным с юных лет идеалам Просвещения: «Во имя несчастной человечности, вечно обманутой жертвы политических шарлатанов, во имя просвещения, во имя Вашей собственной славы сохраните, Господин, те принципы, приверженцем которых Вы являлись до сегодняшнего дня и верность которых Вам очевидна. Будьте их защитником; обеспечьте своим покровительством тех, кого преследуют, чтобы сказать, что только по заслугам следует оценивать людей, что человечество имеет неоспоримое право быть свободным, что правительства должны давать своим подданным достойное образование, что невежеством и суевериями могут пользоваться только коварство и тирания» [17, 235–236]. Лагарп отсылает к прошлым своим беседам с воспитанником, который в тринадцатилетнем возрасте даже дал обет «утвердить благо России на основаниях непоколебимых» [12, 27].

При этом в письмах Лагарпа присутствует описание законодательных актов, подобных тем, которые в Негласном комитете называли «конституционными». Лагарп считает необходимым создание отдельной правовой хартии для каждого сословия, совокупность которых именуется гражданским кодексом (*Code civile*). По-

требность обновления законодательной базы Лагарп связывал с возникновением нового типа человека, однако настаивал на постепенности этого процесса. Рассуждая о необходимости составления гражданского кодекса, он рассматривает российских подданных с их различными правовыми статусами и предполагает написание отдельного кодекса для каждой из правовых групп и одного общего дополнения [17, 323]. Гражданский кодекс в представлении Лагарпа должен быть адаптирован к местным особенностям и традициям различных областей империи, для этого нужно «сначала собрать сведения о местных традициях, и, поскольку существуют различия между русскими, татарами, поляками и немцами, в целях осторожности следует по крайней мере частично сохранить для трех последних народов особые кодексы» [17, 322–323]. Лагарп подчеркивает, что именно права сословий будут зафиксированы в гражданском кодексе. Он задается вопросом о возможности сохранения крепостного права и написания специального кодекса для крепостных (*Code noir*) или освобождения крестьян. Поскольку эти вопросы пока не решены, гражданское состояние не может быть зафиксировано в данный момент. Но пока будут идти подготовительные работы, император, по мнению Лагарпа, может успеть обеспечить свою защиту крепостным деревенским жителям, после чего их положение постепенно «улучшится само собой». Наконец, когда произойдет это улучшение, права крепостных можно будет зафиксировать в гражданском кодексе [17, 322–323].

Оправдывая и признавая легитимность самодержавия, Лагарп тем не менее не призывает к сохранению *status quo*, но предвидит изменение политического устройства с помощью ограничения власти в очень отдаленном будущем: «Это длительный процесс. Я надеюсь, что Вы доживете до его окончания и успеете ему порадоваться; но нельзя, чтобы ограниченная продолжительность жизни заставила Вас поторопиться: так можно все потерять» [17, 249–250]. О длительности преобразовательного периода Лагарп пишет и в письме от 16 октября 1801 г.: он считает необходимым предварительный этап сбора сведений, а реформы называет «делом не одного человека и предприятием не одного дня» [17, 319] и вновь подчеркивает, что Александр может не дожить до их завершения.

Итак, понятие конституции присутствует в политических представлениях членов Негласно-

го комитета – П. А. Строганова и Ф.-Ц. Лагарпа, однако русский аристократ и швейцарский государственный деятель вкладывают в него различный смысл. Для П. А. Строганова конституция – это свод основных, конституционных законов, фиксирующих сословные права и привилегии. Считая составными частями конституции формулировку сословных прав, описание способа их реализации и «гарантию», Строганов признает наличие в политической системе России двух первых составляющих. Жалованные грамоты, формулирующие права двух сословий, Строганов называет составными частями конституции. Отдавая должное важности административных постановлений и администрации, Строганов считает Сенат ее средоточием и административным учреждением. Таким образом, вопрос о полномочиях верховной власти в системе представлений Строганова заключается в понятии «гарантии». По всей видимости, имеются в виду гарантии неприкосновенности сословных прав и привилегий и наличие преграды деспотическому правлению, подобному правлению Павла I. Однако в ближайшее время принятия подобной гарантии Строганов не предполагает: этому должны предшествовать реформирование администрации и повышение уровня образования и правовой грамотности населения. Следует отметить, что понимание Строгановым конституции идет в русле просветительской концепции основных законов, применявшейся Екатериной II, за исключением понятия «гарантия», которое не использовалось императрицей. Для наставника Александра I Ф.-Ц. Лагарпа конституция представляет собой устройство государства в русле просветительской концепции общественного договора. Лагарп полагает, что российская конституция наделяет императора неограниченной властью, ограничение которой возможно только в отдаленном будущем. Лагарп признает необходимость принятия сословных хартий, подобных Жалованным грамотам, однако именует их совокупность не «конституцией», как Строганов, а «гражданским кодексом». Таким образом, для Лагарпа конституция как в значении общественного договора, так и в значении ограничивающего монарха закона имеет отношение к правам и легитимности верховной власти. В то же время для Строганова конституция – это прежде всего устройство сословной организации общества, заключительным аккордом которого должен стать закон о незыблемости и неизменяемости этой организации – «гарантия». При

этом и Лагарп, и Строганов относят решение вопроса о правах монарха к далекому будущему, единогласно призывая сохранить неограниченную власть до окончания проведения преобразований, признавая их первичными по отношению к законодательному закреплению их результатов. По свидетельству Строганова, император вполне разделял это мнение своих советников.

Однако в самом начале царствования Александра все же была предпринята попытка принятия основного закона – «Всемиловнейшей грамоты, российскому народу жалуемой». Идея издания подобного постановления была высказана Александром до начала заседаний Негласного комитета: в разговоре со Строгановым 23 апреля 1801 г. император признал важнейшей целью «утверждение знаменитых прав гражданина» [8, 8], а Строганов ответил, что это должно проходить в рамках работы комитета [8, 8]. Таким образом, идея «Грамоты» была предложена Александру I до его первой беседы со Строгановым, а Строганов попытался включиться в уже идущее обсуждение возможного издания подобного документа. Из воспоминаний свидетелей переворота 12 марта известно, что в начале царствования Александра по Петербургу ходили слухи о стремлении руководителей заговора заставить императора подписать документ, который ограничивал бы самодержавную власть, – «аристократическую» или «умеренную» конституцию [11, 22; 4, 73]. Очевидно, император уклонился от подобного шага, однако обещал не забыть «права своих подданных» [11, 25]. Таким образом, между этим обещанием Александра и упоминанием в беседе со Строгановым «прав гражданина» прослеживается связь. Возникшая в первые дни царствования идея о принятии некоего документа впоследствии вылилась в написание проекта «Всемиловнейшей грамоты». Несмотря на то что основным автором «Грамоты» выступил А. Р. Воронцов, проекты ее неоднократно обсуждались в Негласном комитете, и соавторами выступили члены комитета Н. Н. Новосильцев и В. П. Кочубей, так что со своей задачей Строганов вполне справился.

Не останавливаясь подробно на сословной проблематике «Грамоты», следует обратить внимание на место этого проекта в конституционных представлениях членов Негласного комитета и императора. «Грамота» объявлялась «коренным», то есть основным, законом страны. Современник членов Негласного комитета, впоследствии видный государственный деятель М. М. Сперанский,

оперируя термином «государственный», писал об основных законах: «Государственный закон» принято вместо слова «конституция» и всегда означает закон, определяющий первоначальные права и отношения всех классов государственных между собой» [11, 57]. Конституционными, основополагающими актами П. А. Строганов в своих записках называл и Жалованные грамоты дворянству и городам, и институт Сената. Поскольку именно права подданных и прерогативы Сената являются ключевыми проблемами, раскрываемыми в «Грамоте», можно без колебания утверждать, что она воспринималась современниками не иначе как конституционный акт. Однако не следует рассматривать «Грамоту» как завершающий аккорд конституционных постановлений. Основная законодательная работа, по мнению авторов «Грамоты», еще предстоит: существующие узаконения признаются «недостаточными», над их усовершенствованием уже трудится «особливая комиссия» [13, 181] – Комиссия о составлении законов. Вышеозначенная комиссия в будущем должна снабдить Россию законами «на всякую часть и на каждое состояние людей» [13, 181]. Результатами усовершенствования законодательства станут личная неприкосновенность, гарантия собственности и справедливый суд, «дабы безопасность личная и собственность каждого ограждены были, дабы наказания, есть ли они место иметь должны, извлекаемы были не иначе как из натуры самого преступления и не отягощали судьбу каждого выше им содеянного» [13, 181].

Таким образом, принятие «Всемиловейшей грамоты» не противоречило предложенному участниками Негласного комитета и Ф.-Ц. Лагарпом порядку проведения преобразований, предполагавшему первоочередность реформ по отношению к законодательному закреплению их результатов. Несмотря на то что «Грамота» объявлялась конституционным актом, она лишь предваряла грядущую законодательную работу в рамках реформаторской политики Александра I. Вставая в один ряд с екатерининскими Жалованными грамотами, «Всемиловейшая грамота» подчеркивала преемственность александровской политики по отношению к политике предшественницы и дополняла их описанием прав «земледельцев». Тем самым «Грамота» становилась еще одним конституционным актом, целью которых являлись формулировка прав условий и описание способа их реализации.

В рамках обсуждения в Негласном комитете преобразования законодательства помимо

вопроса о фундаментальных законах и конституции участники комитета также уделяли внимание рассмотрению насущной проблемы кодификации законов, приведения в порядок и согласования между собой существующих кодексов, указов и постановлений.

Если конституция императору и участникам комитета представлялась далекой перспективой, то обсуждение реальных шагов, направленных на осуществление кодификации, в Негласном комитете велось. На заседании 10 марта 1802 г. А. Чарторыйский говорил о письме, которое ему поручено составить для приглашения самых компетентных юрисконсультов Европы для работы над кодификацией российских законов [8, 184]. В Негласном комитете планировалось создать сборник с тематическими разделами, который не будет считаться окончательным вариантом из-за предстоящих реформ. Также П. А. Строганову показалось, что император хочет поручить приглашенным юрисконсультам составить план действий, который потребуется, когда позволят обстоятельства. К 17 марта Чарторыйский составил письмо, в котором охарактеризовал российское законодательство как основанное на «бесформенной массе указов, которые между собой не имеют никакой системы, данных без связи, между которыми есть противоречащие» [8, 193]. Целью императора Чарторыйский назвал создание сборника с систематическим распределением постановлений, а также разработку основного кодекса, который мог бы существовать всегда. Перед приглашаемыми юрисконсультами в письме ставятся следующие задачи: 1) предложить наиболее совершенный метод работы по составлению кодекса; 2) разработать классификацию (разделение) предметов, которые должны войти в кодекс, создать систематическую таблицу; 3) в приложение к таблице внести свои предложения относительно некоторых разделов законодательства, намеченных в ней. Чарторыйский заканчивает документ условием, чтобы результат работы не был опубликован без согласия Александра. При необходимости получения дополнительных сведений будет назначен человек, который их им предоставит. Относительно географии рассылки этого послания Чарторыйский усомнился, следует ли отправлять его во Францию в связи с «интригующим характером этой нации» [8, 194]. Император ответил, что письмо будет послано во Францию в числе других Жану-Этьену Портали. Кочубей, в свою очередь, вызвался собрать сведения о самых достойных немецких юрисконсультах

тах. Обращение членов Негласного комитета к опыту иностранных правоведов идет в русле петровской и екатерининской традиций заимствования и адаптации иностранного права, однако Александр действует в принципиально иной обстановке, сложившейся после Великой французской революции. Идеи Петра I о заимствовании монархического законодательства Дании и Швеции и заимствование Екатериной II просветительских идей коренным образом отличаются от ситуации, когда российский монарх обращается в числе других европейских государств к опыту юрисконсультов революционной Франции. Александр не боится обращаться к французскому опыту, признавая ценность революционного и постреволюционного законодательского наследия. Кроме того, постановка вопроса о кодификации в Негласном комитете не ограничивает эту задачу систематизацией существующего права, а предполагает сочинение основного кодекса неизменяемых постановлений.

Таким образом, в представлениях членов Негласного комитета, составлявших ближайшее окружение Александра I, можно выделить несколько смысловых блоков, в центре которых оказывались понятие «конституция» или близкие к нему понятия.

Во-первых, уходящее корнями в Античность представление о конституции как об основах государственного и общественного устройства. Несомненно известное членам Негласного комитета, это значение термина «конституция» положило начало представлению П. А. Строганова о конституции как совокупности «непреложных» законов, определяющих сословные права подданных и способы их осуществления. В этом значении конституция Строганова оказывается тесно связанной с просветительским понятием основных законов, активно использовавшимся Екатериной II. При этом Строганов полагал, что ряд постановлений, принятых в эпоху Екатерины II, являются составной частью российской конституции. Однако в представлении Строганова присутствует также понятие «гарантия» сословных прав, предохраняющая подданных от деспотического, произвольного правления. Возникновение концепта гарантии можно связать, с одной стороны, с влиянием Великой французской революции и распространением в обществе представления о конституции как об ограничительном законе, с другой стороны, с опытом правления Павла I, нарушавшего положения екатерининских Жалованных гра-

мот. В рассуждениях Строганова присутствует мысль о легитимизирующей функции конституции, способной окончательно законодательно закрепить прерогативы монарха.

Во-вторых, в представлениях Ф.-Ц. Лагарпа, номинального члена Негласного комитета, «конституция» также обозначает устройство государства, но уже в русле теории общественного договора. Рассуждая в рамках этой теории, Лагарп признает наличие в России конституции, вверившей неограниченную власть самодержавному монарху.

В-третьих, понятие о конституции как законе, являющемся преградой для монаршего произвола, также присутствует в воззрениях членов Негласного комитета. Так, и Лагарп, и Строганов не отвергают возможность принятия подобного закона в отдаленном будущем.

Рассматривая в рамках конституционных представлений членов Негласного комитета коронационный проект «Всемилодивейшей грамоты, российскому народу жалуемой», можно поставить этот документ в один ряд с Жалованными грамотами дворянству и городам и оценивать его как очередной основной закон, закрепляющий права подданных, конституционный акт, являющийся составной частью конституции в понимании Строганова.

Важно отметить, что новаторство, сочинение новых законов, без сомнения, являлось приоритетным направлением деятельности Негласного комитета по отношению к систематизации изданных ранее постановлений. Поднимавшийся на заседании комитета вопрос о кодификации планировалось решать с привлечением иностранных, в том числе французских, правоведов в неразрывной связи с вопросом о сочинении нового кодекса основных законов.

Итак, в самом начале царствования Александр I и его окружение ставят себе отдаленным конечным результатом деятельности учреждение конституции – неизменного закона (или кодекса законов), который позволит упорядочить и описать систему администрации, обосновать и упрочить власть императора, завершить процесс законодательного закрепления прав сословий. Однако наряду с утверждением власти императора присутствует и мысль о силе закона, которая могла бы сдерживать деспотизм и произвол монарха, если это потребует. В качестве насущной задачи в области законодательства выдвигается и начинает реализовываться кодификация законов.

Библиография:

1. Екатерина II, имп. О величии России. М.: ЭКСМО, 2003. 831 с.
2. Захаров В. Ю. «Всемилоостивейшая жалованная грамота российскому народу» 1801 г. в контексте развития конституционных идей в России во второй половине XVIII – начале XIX вв. М.: Прометей, 2002. 192 с.
3. История в Энциклопедии Дидро и д'Аламбера / Под общей редакцией А. Д. Люблинской. Л.: Наука, 1978. 312 с.
4. Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. М.: РГГУ, 2001. 575 с.
5. Клочков М. В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пг.: Сенатская типография, 1916. 631 с.
6. Латкин В. Н. Законодательные комиссии в России в XVIII столетии. СПб.: Издание Л. Ф. Пантелеева, 1887. 595 с.
7. Мадариага, Исабель де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 976 с.
8. Николай Михайлович, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817): Историческое исследование эпохи императора Александра I. В 3 т. Т. 2. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1905. 611 с.
9. Омел'ченко О. А. «Законная монархия» Екатерины II. Просвещенный абсолютизм в России. М.: Юрист, 1993. 428 с.
10. Омел'ченко О. А. Кодификация права в России в период абсолютной монархии: вторая половина XVIII века. М.: ВЮЗИ, 1989. 128 с.
11. Писарькова Л. Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М.: Новый хронограф, 2012. 449 с.
12. Семевский В. И. Вопрос о преобразовании государственного строя России в XVIII – первой четверти XIX века (Очерк из истории политических и общественных идей) // Было: Журнал, посвященный истории освободительного движения. 1906. № 1. С. 1–58.
13. Семенников В. П. Радищев: очерки и исследования. М.–Пг.: Государственное издательство, 1923. 468 с.
14. Сухомлинов М. И. Фридрих-Цезарь Лагарп, воспитатель императора Александра I. СПб.: Печатня В. И. Головина, 1871. 62 с.
15. Чернов К. С. Забытая конституция. М.: Институт бизнеса и политики, 2007. 276 с.
16. Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. В 4 т. Т. 1. СПб.: Издательство А. С. Суворина, 1904. 436 с.
17. Correspondance de F.-C. de La Harpe et Alexandre Ier, suivie de la correspondance de F.-C. de La Harpe avec les membres de la famille imperiale de la Russie (publiee par J. Ch. Biaudet et F. Nicod). Neuchatel, 1978–1980. Т. 1.
18. Griffiths D. M. Introduction. Of Estates, Charters and Constitutions // Catherine II's Charters of 1785 to the Nobility and the Towns. Bakersfield: Charles Schlacks, Jr., 1991. P. XVII–LXIX.

References (transliterated):

1. Ekaterina II, imp. O velichii Rossii. M.: EKSMO, 2003. 831 s.
2. Zakharov V. Yu. «Vsemilostiveishaya zhalovannaya gramota rossiiskomu narodu» 1801 g. v kontekste razvitiya konstitutsionnykh idei v Rossii vo vtoroi polovine XVIII – nachale XIX vv. M.: Prometei, 2002. 192 s.
3. Istoriya v Entsiklopedii Didro i d'Alambere / Pod obshchei redaktsiei A. D. Lyublinskoi. L.: Nauka, 1978. 312 s.
4. Kamenskii A. B. Ot Petra I do Pavla I. Reformy v Rossii XVIII veka. M.: RGGU, 2001. 575 s.
5. Klochkov M. V. Ocherki pravitel'stvennoi deyatel'nosti vremeni Pavla I. Pg.: Senatskaya tipografiya, 1916. 631 s.
6. Latkin V. N. Zakonodatel'nye komissii v Rossii v XVIII stoletii. SPb.: Izdanie L. F. Panteleeva, 1887. 595 s.
7. Madariaga, Isabel' de. Rossiya v epokhu Ekateriny Velikoi. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. 976 s.
8. Nikolai Mikhailovich, vel. kn. Graf Pavel Aleksandrovich Stroganov (1774–1817): Istoricheskoe issledovanie epokhi imperatora Aleksandra I. V 3 t. T. 2. SPb.: Ekspeditsiya zagotovleniya gosudarstvennykh bumag, 1905. 611 s.
9. Omel'chenko O. A. «Zakonnaya monarkhiya» Ekateriny II. Prosveshchennyi absolyutizm v Rossii. M.: Yurist, 1993. 428 s.
10. Omel'chenko O. A. Kodifikatsiya prava v Rossii v period absolyutnoi monarkhii: vtoraya polovina XVIII veka. M.: VYuZI, 1989. 128 s.
11. Pisar'kova L. F. Gosudarstvennoe upravlenie Rossii v pervoi chetverti XIX v.: zamysly, projekty, voploshchenie. M.: Novyi khronograf, 2012. 449 s.
12. Semevskii V. I. Vopros o preobrazovanii gosudarstvennogo stroya Rossii v XVIII – pervoi chetverti XIX veka (Ocherk iz istorii politicheskikh i obshchestvennykh idei) // Byloe: Zhurnal, posyashchennyi istorii osvoboditel'nogo dvizheniya. 1906. № 1. S. 1–58.
13. Semennikov V. P. Radishchev: ocherki i issledovaniya. M.–Pg.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1923. 468 s.
14. Sukhomlinov M. I. Fridrikh-Tsezar' Lagarp, vospitatel' imperatora Aleksandra I. SPb.: Pechatnya V. I. Golovina, 1871. 62 s.
15. Chernov K. S. Zabytaya konstitutsiya. M.: Institut biznesa i politiki, 2007. 276 s.
16. Shil'der N. K. Imperator Aleksandr I. Ego zhizn' i tsarstvovanie. V 4 t. T. 1. SPb.: Izdatel'stvo A. S. Suvorina, 1904. 436 s.
17. Correspondance de F.-C. de La Harpe et Alexandre Ier, suivie de la correspondance de F.-C. de La Harpe avec les membres de la famille imperiale de la Russie (publiee par J. Ch. Biaudet et F. Nicod). Neuchatel, 1978–1980. T. 1.
18. Griffiths D. M. Introduction. Of Estates, Charters and Constitutions // Catherine II's Charters of 1785 to the Nobility and the Towns. Bakersfield: Charles Schlacks, Jr., 1991. P. XVII–LXIX.